

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ, О ШРИФТАХ ВООБЩЕ И О МЕЛКОМ В ОСОБЕННОСТИ

«Скажите, пожалуйста, что за скачки у этого «Свистка»? То в полгода словечка от него не добьешься; со всех сторон его задевают, чуть не едут на нем верхом, — он, как чурбан в басне о лягушках и царе¹, молчит! То вдруг начнет появляться каждый месяц; может быть, появлялся бы и чаще, но ведь это почти то же, что езда из Москвы в Петербург; больше одного раза в сутки ни туда, ни сюда приехать нельзя, и дорога длинна, а главное: поезд только один раз в день идет; разве завести экстренные поезда, как сделал уже «Русский вестник», приславший нам I № своей «Летописи» на 1861 год, тогда как главный его поезд с грузом № 23 и 24 1860 года застрял где-то на половине пути, вероятно по причине глубоких снегов»*.

* 13 января 1861 года, после долгого ожидания, означенный груз прибыл благополучно в С.-Петербург, упакованный в один тюк, с двойным номером: 23—24.

Разговор в журнальной конторе.

— «Одна-то книжка — за две книжки?»

(Кричит подписчик сгоряча).

П р и к а з ч и к

То были плоские коврижки,

А эта — толще кирпича!

В ней есть «Гармония в природе»

И битва с Утиным² в «Смеси».

Читайте, судырь, на свободе!»

П о д п и с ч и к (*принимая книгу*)

«Merci, почтеннейший Merci!»

(*Уходит*).

Так древле тощий «Москвитянин»

По полугоду пропадал³,

И вдруг, огромен, пухл и странен,

Как бомба с неба упал.

Подписчик в радости великой

Бросался с жадностью на том

Плохих стихов и прозы дикой,

И сердце ликовало в нем.

Он говорил: «Так ты не умер?

Как долго был ты нездоров!»

И принимал нежданный номер

Охотно за пять номеров.

Такие толки, без сомнения, раздадутся при появлении настоящего «Свистка», появляющегося вслед за № 6, который вышел только в прошлом месяце.

Но, милостивые государи, «Свисток» ничего не делает без причины, и на нынешний раз, точно так же, как всегда, он имеет законную причину, оправдывающую скорое его появление.

191

Просим прислушаться. Речь пойдет о *шрифте*. Вам уже, конечно, известно, что с 1861 года появился на Руси новый журнал «Время». Вот это—то «Время» между прочими упреками, делаемыми им всей литературе вообще и каждому автору в разбивку, вздумало упрекать «Свисток»⁴ тем, что он публиковал объявление о самом себе «робко, мелким шрифтом». Робко — это ничего; у всякого свои понятия о храбрости... Но — *мелким шрифтом!* об этом стоит подумать, необходимо объясниться. Читателю известно, что с тех пор, как г. Серно—Соловьевич в зале Пассажа пред многочисленным собранием вошел в подробное прение о *курсиве*, вопрос о шрифте получил в России громадное значение. Говорят, что иногда книжки журналов запаздывали по целым месяцам по причине спора, возникшего между почтенными редакторами, каким шрифтом должна быть отпечатана та или другая статья и где именно следует поставить *курсив*. Лучшие умы пошли далее: от шрифтов крупных и мелких, от косых и прямых они перешли к обсуждению самой формации шрифтов. «Русский вестник», как и всегда, явился первым, подавшим свой голос в этом деле: в 1—м № своей «Летописи» он предложил некоторые изменения в отлитии русских букв⁵ и ввел их у себя, начав таким образом год блистательным

нововведением. Здесь мы должны на минуту уклониться с прямой дороги и сказать несколько слов об этом нововведении. Нет сомнения, что преобразование в русском шрифте, изобилующем в настоящем своем виде прямыми линиями, при малейшей порче шрифта делающими чтение затруднительным, — нет сомнения, что это преобразование нужно, но тем не менее по поводу попытки «Русского вестника» «Свисток» слышал следующие рассуждения, о которых, принимая в соображение важность вопроса, не считает удобным умолчать.

— Может быть, нововведение господина Каткова очень хорошо, — говорил недавно один господин, потрясая I № «Летописи» «Русского вестника», — но я полагаю, что место таким попыткам не в газете, а в каком-нибудь специальном издании, посвященном филологии или просто: вопросу о шрифтах. Пятьдесят три года читаю я русские книги и журналы и никогда не встречал затруднения в чтении их, исключая того случая, когда господину Лажечникову вздумалось напечатать своего «Басурмана» хотя и по-русски, но с каким-то чудовищным правописанием⁶, которым поставлялось читателю в обязанность разучиться всякому правописанию, да еще того небольшого периода в издании «Отечественных записок», когда редакция, в виду всей России, чуть было не повихнулась на букве *ж*,⁷ но это скоро и благополучно прошло. И вот теперь, под старость, получаю «Летопись», начинаю читать... да еще вслух перед малознакомыми людьми пришлось читать. Представьте себе! читаю — и запинаюсь, поминутно запинаюсь. Глаз мой, в течение долгого времени освоившийся с обыкновенным русским шрифтом, никак не может привыкнуть к этим закруглениям, усикам, раздвоениям, рожкам, подножкам и ко всяким другим улучшениям, введенным «Летописью» в

русский шрифт. Подножки! Усики! Спрашивается, зачем тут усики?

**«Усы гусара украшают,
Усы герою вид дают,
Невест усами добывают,
Усы для девушек магнит...»**

192

Но я не девушка! А эти высокие к, ф, Ъ — что это такое? для чего?.. В целом страница представляет какую-то невообразимую пестроту, неровную, несимметричную, как будто с высокой-высокой колокольни смотришь на подгулявшую толпу, покачивающуюся с боку на бок или, еще лучше, как будто к ужасу г. Серно-Соловьевича, ящик курсива всыпали в ящик обыкновенного прямого шрифта да и пошли писать, то есть набирать! так что сам господин Серно-Соловьевич едва ли в состоянии различить, что здесь собственно набрано курсивом, что прямым шрифтом. А уж я так просто и прочесть не умел порядком; некоторые гости ушли, не дослушав чтения, и — что мудреного — сочли меня за безграмотного! Вот какую услугу оказал мне «Русский вестник»!

— Из чего вы убиваетесь? — возражали ему. — Так-то у нас во всем, ничего для общей пользы; маленькое затруднение для глаз, пустой щелчок самолюбию — и мы готовы бросить камень в того, кто хлопотал для пользы науки. Ведь господин Катков, конечно, имел в виду пользу науки...

— Пользу науки! — грубо вскричал господин. — Хочешь пользы науке, так печатай свои опыты особо. Если

я к науке радетелен, заплачу деньги и испорчу глаза — и жаловаться не буду. Или объяви заранее. А то —

*На языке тебе невнятном⁸
Свои статейки подношу
И в заблуждении приятном,
Вниманья твоего прошу...**

Покорно благодарю! Я не хотел ни денег бросать, ни глаза портить, я хотел читать «Современную летопись». Так и давайте мне ее в таком виде, чтоб я мог читать. Еще бы вы вздумали для пользы науки ставить буквы кверху ногами или санскритский алфавит ввели бы, да не объявили бы заранее! Покорно благодарю! Целый год теперь убивайся, привыкай к новому шрифту, а там удержится ли еще он, или вздумается выписать другой журнал.

— Да зачем же другой? — говорили ему. — Вы всегда были таким жарким поклонником «Русского вестника»...

— Так, по-вашему, целый век и прикажете мне выписывать только его? — запальчиво возразил господин.

— Почему же нет?

— Почему, почему? А вот почему, милостивый государь.

**Каким ни ухищрайся шрифтом
Печатать слабые статьи,
Верь, ни сотрудники твои,
Ни сам ты — век не будешь Свифтом!⁹**

Он посмотрел на нас с явным самодовольствием. Он, видимо, был счастлив, что ему удалось высказать свое негодование в этой плохой эпиграмме. Мы пробовали ему

* Пушкин: «Иностранке».

заметить, что г. Катков никогда не претендовал на славу Свифта, и потому, конечно, останется совершенно равнодушным к этой выходке; но он не дал нам рта разинуть, продолжая порицать шрифт «Летописи».

193

И вот каковы люди! Пять лет этот человек был жарким поклонником «Русского вестника», он почерпал оттуда свои убеждения, свои высшие взгляды — короче: свой ум. «Русский вестник» помогал ему держаться на высоте современности, как и многим, внезапно застигнутым этим требованием, — и вот ничтожное разветвление в верхней части буквы Ъ, ничтожный усик, приделанный к букве ь, — и все забыто! Приязнь обратилась во вражду! О люди! О век! о время!

Само собою разумеется, что эти два последние восклицания не относятся ни к «Веку», издаваемому г. Дружининым и К^о¹⁰, ни ко «Времени», издаваемому г. М. Достоевским. Но так как мы кончили наше отступление, то и переходим к одному из этих журналов, с которым начали нашу беседу.

Собственно мы начали статейку с тем, чтобы сказать «Времени», что никак мы не можем признать справедливым упрека его в том, что «Свисток» объявил о себе мелким шрифтом. Мы всегда думали и продолжаем думать, что этот случай должно приписать в заслугу ему. Да когда же, скажите на милость, «Свисток» говорил о себе не в выноске, крупным шрифтом? Во-первых, крупные шрифты у нас берутся для публикации имен тех знаменитостей, которые удостоивают нас обещанием своих произведений¹¹, а во-вторых: не всегда ли «Свисток» отличался скромностью и благоприличием?

Итак, надеемся, мы доказали «Времени», что мелкий шрифт в нашем объявлении не должен быть понимаем иначе, как за выражение этих качеств, при которых «Свисток» желает остаться навсегда. Горькую минуту переживает он, когда «Время» или другой какой-либо журнал будет в состоянии с полным правом обратиться к нему с известным карамзинским вопросом:

«Бедный Свисток! где твоя невинность?»¹²

Он откровенно сознается, что не желает дожить до этого времени.

Объяснившись и успокоив умы касательно мелкого шрифта, мы теперь займемся словом «робко», так как это маленькое словечко, признаемся, тоже укололо нас, хотя и менее, нежели мелкий шрифт. Глупо! но что же делать? У всякого есть свои мировые судьи, своя г-жа Свечина!¹³ Притом не служит ли и эта самая щекотливость доказательством невинности «Свистка»? Это не то, что обстрелянные журналисты, на которых раздражительные господа, потерпевшие неудачи на различных поприщах — акционерном и других, — изливают свою желчь из разных газетных закоулков¹⁴, покуда их оттуда не выгонят за глупость, как отвсюду, куда они совались. Молчат обстрелянные журналисты, даже виду не подадут, долетели ли до них хоть брызги помой, которыми была разведена желчь, — молчат, и сохнет, и тает, как воск, не по дням, а по часам, раздражительный господин в тщетном ожидании. Нет, «Свисток» не имеет ни столько навыку, ни столько твердости. Он готов оправдываться против каждого двусмысленного слова, пущенного на его счет, разумеется, если уважает противника.

Если бы «Время», вместо *робко* употребило слово *кротко*, тогда нечего бы и говорить. Но — робко! В чем же,

по мнению «Времени», выразилась робость «Свистка?» В том, что он не написал о себе широковещательного объявления, не расхвастался в нем своими заслугами, не натыкал в него сотни заглавий небывалых статей и десятки имен¹⁵ с сомнительной знаменитостью?

194

Помилуйте! Да если вопрос только в этом, так «Свисток» бы удивить публику своею храбростию не хуже самих «Отечественных записок». Вы скажете, у него не хватит воображения, не найдется уменья составить хорошую программу, нужно набить руку, напрактиковаться, что приобретается годами, а вы сами уши нам прожужжали своей неопытностью? Что ж! Положим так. Но разве нельзя воспользоваться чужою опытностью? «Свистку» стоило переписать почти любую из программ на 1861 год — и вы не назвали бы его робким.

Он мог бы сказать, например:

««Свисток» не имеет надобности рекомендоваться публике подробными программами, а потому редакция с удовольствием оглядывается на прошедшее свое поприще, в котором находит разгадку постоянного своего успеха в публике, несмотря на обилие вновь являющихся повременных изданий. Не для того чтобы хвалиться всем тем, что успел сделать в это время, а для того чтоб искать в прошедшем руководящей идеи для будущего, бросим мы взгляд на пройденное нами широкое поприще».

Довольно. Рука устает выписывать. Скажите, чем это было бы худо? Очень было бы даже хорошо! И труда никакого не стоило бы, потому что это выписано *слово в слово* из программы одного большого журнала¹⁶, богатого опытностию по части программ. Затем «Свисток» сумел бы, конечно, переписать с громкими прибавлениями название

статей, в нем помещенных, перечислить имена сотрудников, в нем участвовавших, расхвалив их напропалую и задев по дороге сотрудников чужого прихода, и наконец заключил бы так:

Читатели видят, что редакции «Свистка» в прошлом году *посчастливилось* соединить на своих страницах¹⁷ превосходные произведения ЯКОВА ХАМА, АПОЛЛОНА КАПЕЛЬКИНА и КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА.

В следующем году «Свисток» надеется быть еще счастливее, поместив следующие статьи:

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ, или **РАЗДРАЖЕННЫЙ БИБЛИОГРАФ**, самообличительная поэма–автобиография... **САВВЫ НАМОРДНИКОВА**.

Исторические параллели:

В. А. КОКОРЕВ и **ЛАФИТ**¹⁸.

ЖОРЖ САНД и **ЕВГЕНИЯ ТУР**¹⁹.

БИТВА ГОРАЦИЕВ с **КУРИАЦИЯМИ** и бой 13 декабря 1859 г. в петербургском Пассаже²⁰.

ЛАМОРИСЬЕР и **Н. Ф. ПАВЛОВ**²¹.

ЛЕГЕНДА О ЧЕРНОКНИЖИИ, или **ШОТЛАНДСКАЯ ВЕДЬМА**²², поэма **А. КАПЕЛЬКИНА**.

Ряд статей **О ВРЕДЕ ЛЮДОЕДСТВА**²³ — **ДАРЬИ КУНИЦЫНОЙ** (урожденной княжны Безхвостовой).

Ряд статей **О ЮМОРЕ У ЖИТЕЛЕЙ ЛАПЛАНДИИ** и **У САМОЕДОВ**²⁴ (посвящается редакторам «Свистка») — **И. ШУТЕНКОВА** (потомка древней графской фамилии, утратившей документы при пожаре Москвы в 1612 году).

«ТЫСЯЧУ ДВЕСТИ СТИХОТВОРЕНИЙ» — **КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА**.

ЖОХ и ПЛОЦКА, драма — АННЫ МОНУМЕНТОВОЙ (псевдоним мужчины–писателя)²⁵.

ИДИЛЛИЯ и ПРЕДСКАЗАНИЯ — ЯКОВА ХАМА.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ДЕНЕГ — СОЛДАТ БЕЗ РУЖЬЯ! — ХАДЖИ–ПОДХАЛИМОВА²⁶ (поэт–самоучка армянского происхождения. Мать грузинка).

КАК ПОНИМАЮТ «СВИСТОК» образованные народы Европы, ряд писем из Лондона. ТИТМАРША, МЛАДШ. (племянника славного Тэкерея, давшего клятву писать исключительно в нашем журнале)²⁷.

Три лекции А. УКРАИНСКОГО, которые будут читаны в зале Пассажа, в пользу

ИСТИНА В НАУКЕ новозадуманного Общества для сдирания

ИСТИНА В ИСКУССТВЕ шкуры — с живых и мертвых, под

ИСТИНА В ЖИЗНИ благовидными предложениями, по новому способу, им же изобретенному²⁸.

Басни К. ПРУТКОВА*

И проч., и проч., и проч. Сколько еще могли бы мы насчитать статей! сколько поименовать сотрудников! Но в том–то и дело, что при всей легкости в подборе подобных хвастливых обещаний, при всей безответственности в случае их неисполнения, «Свисток» удержался в границах скромности и приличия.

Спрашивается теперь: порицания или похвалы достойно подобное поведение?

Доказав свою невинность, «Свисток» спешит уверить новый журнал, что нисколько не сердится за опрометчивое его суждение. Напротив, «Время» ему понравилось, и он, как восторженный юноша, не умеющий скрывать своих

* Это имя как действительно знаменитое должно быть напечатано в полтора раза крупнее прочих, чего не сделано здесь из опасения обезобразить страницу.

**чувств, сложил ему гимн, который и печатает теперь с
большим удовольствием.**